

ГОРОДСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ГОРОД КАК ПОЛИС: АГОНИСТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ

Денис Эдуардович Летняков (letnyakov@mail.ru),
Вероника Леонтьевна Шарова (veronika.sharova@gmail.com)

Институт философии РАН, Россия, Москва

Цитирование: Летняков Д.Э., Шарова В.Л. (2023) Город как полис: агонистические практики в городской среде. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 26(3): 136–162. <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.4.5>. EDN: TDABVX

Аннотация. Анализируется особый тип политического поведения и политического конфликта, свойственный публичной сфере демократически организованных обществ. С опорой на концепции Х. Арендт и Ш. Муфф, авторы предлагают называть его «агонистическим». Как показано в работе, в городской среде агонистические конфликты проявляются наиболее интенсивно, что, в частности, обусловлено высокой степенью разнообразия города как системы, а также наличием в нем объектов, обладающих символической значимостью в процессе конкуренции акторов за обладание дискурсивной властью. В центре внимания авторов оказываются агонистические конфликты, связанные с борьбой разных «памятей» в городском пространстве, а в качестве конкретных кейсов выбраны английский Бристоль и столица Латвии Рига. В первом случае рассматриваются дебаты по поводу коммеморации Эдварда Колстона, пик которых пришелся на BLM-протесты 2020 г., во втором — дискуссия относительно дальнейшей судьбы российского/советского культурного и архитектурного наследия. Агонистический подход позволяет по-иному посмотреть на «войны памяти/памятников», являющиеся в последние годы заметной частью общественно-политической жизни Европы и некоторых стран постсоветского пространства. Ревизия прошлого предстает не борьбой с «исторической правдой», с историей как таковой, но оказывается частью закономерного процесса пересмотра общественных конвенций в результате борьбы разных акторов за символическую власть (по П. Бурдьё). В статье также поднимается вопрос о том, следует ли рассматривать примеры Бристоля и Риги в контексте нового направления социогуманитарного знания — постколониальных городских исследований.

Ключевые слова: городские исследования, плюрализм, политическая конкуренция, символическая политика, политика памяти, дискурсивная власть, политический конфликт, агонистические практики.

Введение

К современным городам следует подходить как к «манифестациям и репрезентациям власти» — этот тезис социолога и политического теоретика Йорана Терборна (Терборн 2020: 11) можно было бы вынести в эпиграф к настоящей статье. Возможно, это утверждение стоило бы уточнить: к *любым* городам, так как город как форма организации общественной жизни всегда, с момента своего возникновения имел принципиально политический характер. Не исключительно, конечно: фортификационные, торговые, культовые и прочие аспекты городского устройства в комплексе придают этому способу организации социальной жизни на определенной территории специфический характер, не сводимый к какому-то одному свойству. И все же, по замечанию Макса Вебера, «понятие “город” может и должно быть введено не только в ряд... экономических категорий, но и в ряд категорий политических» (Вебер 2017: 23).

Кроме того, город — это система. В развитие этого утверждения (которое само по себе не блещет оригинальностью) обратим внимание на одно из многочисленных свойств системы, а именно на ее способность обладать значительной сложностью, внутренним разнообразием. В случае же систем социальных это не просто способность, но и необходимость, а степень разнообразия особенно высока. По замечанию социолога-урбаниста Джейн Джейкобс (автора уже классического на сегодняшний день исследования «Смерть и жизнь больших американских городов»), «у двух видов экосистем — сотворенных природой и созданных людьми — имеются общие фундаментальные принципы... В обоих случаях разнообразие развивается с течением времени органически, и различные его компоненты находятся в сложной взаимозависимости. Чем больше ниш предоставляет экосистема того или другого вида для разнообразных жизненных форм и средств к существованию, тем больший объем жизни она способна пропускать через себя» (Джейкобс 2011: 11).

Названные черты придают городу как форме социального бытия конфликтное, агональное измерение. Очевидно, что само по себе разнообразие не является фактором неизбежного конфликта, однако в условиях политического плюрализма и полиархии¹ разнообразие является и средой, и «топливом» развития соответствующих политических практик и институтов (в свое время Георг Зиммель заметил, что «нивелирование

¹ Пользуемся термином, предложенным Робертом Далем, в тех же целях, что и американский политолог в свое время: снять, по крайней мере отчасти, возможные идеологические и ценностно не-нейтральные коннотации, связанные со словом «демократия».

масс является по общему правилу коррелятом деспотизма» /Зиммель 1909: 79/). Не случайно сама культура агональности берет свое начало в древнегреческих городах-государствах, в полисной организации, которая жила на представлении о том, что все общезначимые вопросы подлежат открытому обсуждению гражданами. Об этом аспекте жизни полиса, который регулярно превращался в место «сильнейшего и ожесточеннейшего спора», много писала Ханна Арендт (Арендт 2000: 55, 263). Конечно, было бы чрезмерным упрощением напрямую сопоставлять политическое качество современного города и античного полиса (даже несмотря на наличие определенной преемственности). Центром притяжения горожан и средоточием всей публичной жизни является сегодня уже не агора или некое ее подобие, а что же? Здание городской администрации и пришедший на смену традиционному рынку торгово-развлекательный комплекс? Тем более что находиться они могут в непосредственном соседстве друг с другом. Один объект всем своим обликом и самим своим наличием посылает горожанам сигналы «административного» толка, второй же остается ключевым местом потребления и досуга. И все же не стоит недооценивать те возможности влияния на формирование демократического этоса, которым в современном обществе обладает именно город. Как отмечает британский исследователь Эш Амин, город — это особое публичное пространство, «открытое, густонаселенное (crowded), незавершенное, импровизируемое и нерегулируемое или, во всяком случае, регулируемое слабо» (Амин 2010: 22). Здесь агонистический процесс утверждения дискурсивной власти через идею, воплощенную в месте/объекте, развивается особенно динамично: городская среда, обладая точками притяжения, концентрации социальных сил, «пространствами памяти» и т.д., предоставляет для этого все возможности.

В статье мы планируем рассмотреть один из типов конфликтов, возникающих, так сказать, *intra muros*¹ и превращающих город в пространство борьбы между разными акторами, каждый из которых обладает собственным видением облика города и прикладывает усилия к тому, чтобы воплотить это видение в реальности — в планировке и обустройстве среды, в объектах (здания, памятники) и в соответствующей топонимике. Речь идет о конфликтах вокруг исторической памяти, под которой мы, пользуясь определением Ольгой Малиновой, понимаем совокупность «социальных представлений о прошлом» (Малинова 2018: 32)².

¹ Внутри городских стен (лат.)

² К настоящему моменту сформировался внушительный массив научной литературы, посвященной различным аспектам исторической/коллективной памяти.

Анализируя мемориальные конфликты в городской среде, мы будем опираться прежде всего на работы Шанталь Муфф и Пьера Бурдьё. Первая ввела в современную политическую теорию само понятие агонизма (Mouffe 2005; Mouffe 2013), предложив понимать демократию как тип общества, который базируется на институционализированном конфликте. С точки зрения Муфф, политические противостояния в демократически организованном обществе не могут быть окончательно разрешены ни через достижение консенсуса (так как правые и левые никогда не договорятся друг с другом по ряду принципиальных вопросов), ни через победу одной стороны (принцип соревновательности, имманентный самой демократии, предполагает, что гегемония какой-то политической силы всегда оказывается временной), следовательно задача заключается в том, чтобы ввести конфликт в продуктивное русло, превратить его из антагонистического в агонистический¹. Будучи ограничен определенными правилами, самое очевидное из которых — это отказ от насилия, агонистический конфликт, по мысли Муфф, не подрывает демократию, но укрепляет ее.

Рассматривая публичную сферу общества как место агонистического столкновения конфликтующих точек зрения, нельзя не признать, что дебаты по поводу прошлого оказываются неотъемлемой частью общественных дискуссий. Это открывает возможность перенесения концепции Муфф на сферу *memory studies*, где концепция агонистического плюрализма стремится преодолеть взгляд на коллективную память как на нечто монолитное и статичное. Вместо этого историческая память общества предстает многоголосой, сотканной из разных нарративов, нередко противостоящих друг другу (Bell 2008; Bull, Hansen 2016). Продвижением этих нарративов в публичном пространстве занимаются различные мнемонические акторы, в качестве которых могут выступать как отдельные активисты, политики, ученые, так и различные структуры государства и граж-

В связи с этим укажем лишь на наиболее важных, с нашей точки зрения, авторов. Пионером этого направления по праву считается французский социолог Морис Хальбвакс (Хальбвакс 2007). В 1980-е годы исследовательский проект другого француза, Пьера Нора, посвященный «местам памяти», много способствовал началу так называемого мемориального бума в социальных и гуманитарных науках (Нора 1999). Также нельзя обойти вниманием имена Алейды Ассман (Ассман 2014), Марианны Хирш (Хирш 2021), Джеффри Олика (Olick 1999). Среди российских ученых, помимо уже упомянутой О. Малиновой, назовем Алексея Миллера (Миллер 2009), Николая Копосова (Копосов 2011) и Николая Эппле (Эппле 2022).

¹ Антагонизм — это борьба между экзистенциальными врагами, не предполагающая никаких компромиссов; агонизм же — столкновение с соперниками, чье право на существование мы признаем, пусть и не соглашаемся с их политической позицией.

данского общества (научные институции, партии, диаспоральные организации и т.д.). По сути, речь идет о процессе, который П. Бурдьё называл борьбой разных агентов за обладание символической властью, открывающей возможность «утверждать или изменять видение мира», предлагать обществу тот или иной способ интерпретации социальной реальности (Бурдьё 2007: 93–96). Ведь «власть определять социальный мир», о которой пишет французский социолог, очевидным образом включает в себя и право предлагать некоторому сообществу тот или иной нарратив о его прошлом.

Конкурирующие друг с другом мнемонические акторы обладают разными символическими и материальными ресурсами, поэтому определенный исторический нарратив в конкретный момент времени оказывается господствующим, тогда как контрнарративы занимают более или менее маргинальные позиции на этом поле. Однако, как мы увидим далее, доминирующий и миноритарный нарративы вполне могут поменяться местами, поскольку изменившаяся констелляция социальных сил, идеологические сдвиги в обществе, трансформация политического воображаемого напрямую проецируются на мемориальную сферу.

В качестве конкретных кейсов рассмотрим два города: Бристоль и Ригу. В первом случае объектом анализа станет противостояние по поводу фигуры торговца и мецената Эдварда Колстона (1636–1721), который из безусловного символа этого английского города постепенно превратился в весьма противоречивую (а для кого-то и откровенно токсичную) фигуру. В параграфе, посвященном Риге, в центре внимания окажутся дебаты вокруг сохранения советского/российского наследия в латвийской столице.

Обе эти ситуации так или иначе объединяет постколониальная проблематика. Синтез городских исследований и постколониальной теории — новое направление социогуманитарного знания (соответствующие исследования — это в основном работы 2010-х годов и позднее: Edensor, Jaune 2012; Bishop, Phillips, Ye 2013; Datta, Shaban 2016), при этом, как представляется, весьма перспективное. Как отмечает эксперт в области культурной географии Джули Рен, постколониальная урбанистическая теория включают в себя ряд исследований, которые связаны с постколониальной теорией, постколониальностью как историко-политическим состоянием и постколониальной критикой теории города. При этом, оговаривается Рен, следует иметь в виду, что единой постколониальной теории также не существует, как нет и единого общепринятого определения «постколониальности». Ключевой вопрос здесь заключается в том, сводится ли постколониальный урбанизм к теории или же это совокуп-

ность эмпирических подходов к проблемам современных городов. Существующие на данный момент исследования показывают, что эти позиции нелегко отделить друг от друга (Ren 2020). Мы также могли бы предположить, что в постколониальную «рамку» вписываются вопросы соотношения центра и периферии, проблемы равноправия и социальной справедливости, распределения материальных и нематериальных ресурсов и благ, доступа к комфортной среде и т.д. Все эти темы, очевидно, не являются посторонними и для урбанистических исследований.

Дискуссия же относительно того, насколько уместна и в принципе возможна трактовка *постсоциалистического как постколониального* в настоящее время далека от завершения. Более того, тон этой дискуссии не обрел еще подлинно академической нейтральности: события и явления, попадающие в границы обсуждения, в большинстве своем эмоционально «заряжены», что отчасти объясняется малой исторической дистанцией, вовлеченностью участников в незавершенный процесс конструирования «пост» идентичностей, конкуренцией политических и идеологических позиций. Какую роль в этом обсуждении играет образ постсоциалистического города?

Предположим, что происходящие в постсоветском пространстве процессы, связанные с переосмыслением (вплоть до полного «кэнселлинга») советского наследия, в том числе урбанистического и архитектурного, стоит трактовать не столько как *постколониальное*, сколько *деколониальное*, в частности в логике, предложенной Мадией Глостановой. В этой логике отказ от приставки «пост» происходит «не только потому, что колониализм жив, как прежде, но и потому, что приставка “пост” ограничивает нас рамками векторной линейной истории» (Глостанова 2020). По мысли Глостановой, если помноженная на Модерн постколониальность фиксирует скорее некую хронологическую данность, то деколониальность задает новые векторы и границы смыслов субъектности, агентности, взаимоотношения акторов в политическом и культурном поле. При этом «деколониальная мысль делает это не с тем, чтобы занять центральное место в качестве проповедника новой универсальной истины, но для того, чтобы привлечь внимание к опциональной природе любого дискурса и к необходимости выстраивания паритетных отношений между различными системами знания и бытия, делегитимизированными в рамках модерна/колонизальности», — уточняет исследовательница (Глостанова 2020). На сложный, нелинейный характер темпоральностей, задействованных в соответствующих дискуссиях, обращает внимание и Е. Трубина: «Попытки вычленивать особый — постколониальный — период в первом случае и город как особую единицу анализа пространственных процессов

во втором случае встречаются с обоснованным скепсисом. Этот скепсис в то же время соединяется с общей для современной урбанистической и постколониальной теории установкой на дестабилизацию, децентрацию и умножение универсальных аргументов» (Трубина 2020).

Если обратиться к корпусу работ, которые в настоящее время составляют основной массив *postcolonial urban studies*, легко заметить, что в основном это исследования, посвященные городам глобального Юга. Мы же проиллюстрируем наши предположения на примере двух городов Европы — Западной и Центрально-Восточной.

Бристоль: может ли работорговец быть символом города?

В конце мая 2020 г. в Миннеаполисе (штат Миннесота) во время жестокого полицейского задержания погиб афроамериканец Джордж Флойд. Реакцией на это стали протесты под лозунгом «Жизни черных имеют значение» (*Black lives matter*), которые быстро распространились на большинство американских штатов, а также — фактически одновременно — перекинулись на ряд других стран Запада. Повестка протестующих была гораздо шире борьбы с полицейским насилием, она включала в себя требования социального равенства, преодоления расовой дискриминации в разных сферах, очищения публичных городских пространств от символов белого супремасизма. Среди европейских стран наиболее активно движение *Black lives matter* (BLM) проявило себя в Британии, а английский Бристоль на какое-то время и вовсе оказался в топе мировых новостей: 7 июня около 10 000 человек собрались там на акцию протеста, в ходе которой с постамента была сброшена статуя Эдварда Колстона. Монумент повалили на землю, а затем протащили несколько сот метров по городским улицам и утопили в бухте. Кадры этих событий, широко растиражированные в социальных сетях и медиа, стали одним из самых ярких символов того бурного лета. Правда, символом весьма противоречивым — для кого-то судьба памятника Колстону стала признаком вдохновляющих перемен в западных обществах, а для кого-то — симптомом глубокого кризиса Запада, отказывающегося от своего исторического наследия в угоду так называемой *woke*-культуре. Но как бы ни относиться к случившемуся, для нашего разговора принципиально важно, что за событиями 7 июня 2020 г. стояла долгая предыстория ожесточенных дебатов о фигуре Колстона, о значимости его для Бристоля и об уместности его коммеморации в городе. Попробуем реконструировать эту предысторию в самом общем виде.

Статуя Э. Колстону была установлена в Бристолье в 1895 г. по инициативе местной политической и деловой элиты. Уроженец города, депутат

британского парламента, меценат и предприниматель, сделавший свое состояние на работоторговле, Колстон в викторианскую эпоху превратился в важную символическую фигуру, почитание которой должно было объединить всех бристольтцев. В результате в городе десятилетиями складывался своеобразный культ Колстона — в честь него назывались школы и улицы, его имя получил главный концертный зал (Colston Hall) и крупный офисный центр (Colston Tower). Каждый год 13 ноября отмечался День Колстона, в ходе которого устраивались торжественные шествия горожан к монументу, а в кафедральном соборе проходила праздничная служба. Последнюю в обязательном порядке посещали ученики местных школ, неизменно прикрепляя к своей одежде красные хризантемы, любимые цветы Колстона.

Однако в послевоенный период под влиянием массовых миграций культурный ландшафт Британии постепенно меняется — страна становится более разнородной в этническом и расовом смысле. В новых условиях традиционный исторический нарратив кажется многим слишком «белым» и чересчур англоцентричным. Не случайно с 1987 г. в стране начинает ежегодно отмечаться Месяц черной истории (Black History Month), призванный сделать акцент на вкладе в британское общество людей африканского и афро-карибского происхождения; параллельно обсуждается перестройка на более мультикультурных основаниях учебных программ по истории и литературе.

Обозначенные сдвиги происходят и на локальном уровне, в том числе в Бристоле, где в какой-то момент появились целые районы, населенные по преимуществу представителями афро-карибской общины¹. Логично, что с 1980-х годов бристольтский культ Колстона, воплощающий европоцентричный имперский канон, начинает все активнее подвергаться критике. Часть местных историков, активистов, представителей черного сообщества задает вопрос: достоин ли всеобщей глорификации человек, который несколько лет был главой Королевской Африканской кампании, занимавшейся перевозкой рабов из Африки в Новый Свет, пусть даже часть заработанных денег он впоследствии потратил на постройку школ, больниц, церквей и приюта для бездомных? Так в публичном пространстве появляются мнемонические акторы, которых можно обозначить как «ревизионистов». Подчеркнем, что среди них были не только черные бристольтцы. «Ревизионисты» представляют собой довольно широкую

¹ Сегодня небелое население Бристоля составляет около 16 %. Примечательно, что в 2016 г. Бристоль стал первым крупным европейским городом, мэром которого избрали чернокожего. Им стал Марвин Рис (Marvin Rees).

коалицию представителей гражданского общества преимущественно леволиберальной ориентации, которые воспринимают свое участие в кампании против Колстона как часть борьбы за социальную справедливость: мы не можем построить по-настоящему справедливое общество, в котором будут окончательно изжиты колониализм и расизм, говорят они, до тех пор, пока идентичность бристольтцев строится вокруг почитания фигуры работоторговца (Burch-Brown 2017), ведь монументы и другие «места памяти» всегда воплощают в себе ценности определенного сообщества. Публичное пространство британских городов заполнено статуями, мемориальными табличками, названиями улиц и площадей, большинство из которых репрезентируют исторический нарратив 100-летней давности. Но с тех пор страна сильно изменилась — в смысле ее этно-расового состава, «видимости» разного рода меньшинств, представленности женщин и пр., тем не менее облик городских пространств остается прежним. Следовательно, его нужно сделать релевантным нынешним реалиям — более мультикультурным, более инклюзивным. В этом смысле статуя Колстона имеет отношение не к прошлому Британии, но к ее настоящему: памятник, как и вся городская топонимика, связанная с Колстоном, посылают своеобразный месседж тем жителям Бристоля, которые являются выходцами из бывших британских колоний — месседж о том, что «черная» память о колониализме все еще маргинальна, что так называемые BAME¹ по-прежнему остаются субалтернами, которые не могут говорить в публичном пространстве. А поскольку Бристоль — город скорее левый по своим взглядам², такой дискурс нашел там достаточно широкую поддержку.

На протяжении десятилетий «ревизионисты» устраивали демонстрации возле «Колстон Холла» и запускали петиции о его переименовании, инициировали дискуссии в городском совете по поводу демонтажа памятника Колстону, замены надписи на постаменте на менее комплиментарную или хотя бы добавления к ней второй таблички с осуждением работоторговли. В 2015 г. художники, активисты, преподаватели местного университета для более эффективной координации усилий объединились в группу *Countering Colston*, которая выступала за то, чтобы убрать упо-

¹ Принятая до недавнего времени в Британии аббревиатура, обозначающая совокупность этнических и расовых меньшинств в стране — Black, Asian and minority ethnic.

² Во время последних выборов в городской совет Бристоля (2021 г.) по 24 места там получили лейбористы и зеленые, еще восемь мест оказалось у представителей либеральных демократов. Консерваторы стали обладателями лишь 14 мандатов. Лейбористскую партию представляет и нынешний мэр М. Рис.

минания о Колстоне со всех городских институций¹. Похожих установок придерживалась возникшая ранее, еще в 2006 г., группа местных историков левой ориентации The Bristol Radical History Group. Ее участники стремились акцентировать внимание общественности на том, что процветание Бристоля и всей Британии было прочно завязано на эксплуатации колоний и трансатлантической работорговле. Что касается конкретно Колстона, то в их понимании он представляет вовсе не всех бристольтцев, а только богатую буржуазную верхушку, которая и инвестировала значительные материальные и символические ресурсы в его коммеморацию с конца XIX в.² Иногда в лагере «ревизионистов» можно было обнаружить довольно неожиданных участников. Так, популярная в Британии рок-группа Massive Attack, созданная уроженцами Бристоля, принципиально отказывалась выступать в «Колстон Холле» из-за его названия.

Надо сказать, что действия «ревизионистов» постепенно приносили свои результаты: в течение 2010-х годов одна-две городские институции ежегодно отказывались от имени Колстона. Среди прочего это сделал популярный городской паб (The Colston Yard pub), начальная школа им. Колстона (Colston Primary School), офисный центр (Colston Tower). В 2018 г. сдался «Колстон Холл»: его руководство объявило, что после капитального ремонта концертного зала спорного имени на его фасаде больше не будет. Годом ранее духовенство собора Св. Стефана отменило ежегодную благодарственную службу в честь Колстона³.

Но наряду с «ревизионистами» в городе действовали мнемонические акторы, цели которых были прямо противоположными. Мы будем называть их «охранителями», отталкиваясь от статьи Питера Каттералла, в которой тот писал о фигуре «хранителя/привратника» (gatekeeper), стоящего на страже сложившегося исторического канона (Catterall 2017: 638). «Охранители» всячески сопротивлялись процессу деколонизации и «деколстонизации» публичных пространств Бристоля. Так, их усилиями

¹ Интернет-страница группы доступна по ссылке: <https://counteringcolston.wordpress.com/who-celebrates-colston/> (дата обращения: 29.05.2023).

² Пример оппонирования культуре Колстона с классовых позиций как культуру богача, рожденного «с серебряной ложкой во рту» см.: (Burch-Brown 2017: 75–76; How we Bristolians... 2017).

³ Заметим, что кампания за деколонизацию публичных пространств Бристоля не сводилась все-таки к фигуре Колстона. Скажем, в 1997 г. усилиями активистов рядом с городским музеем “M Shed” появилась мемориальная табличка со следующим текстом: «В память о бесчисленных африканских мужчинах, женщинах и детях, чье порабощение и эксплуатация привели к процветанию Бристоля во времена африканской работорговли».

городской совет не поддержал в 2018 г. идею создания отдельного музея, посвященного трансатлантической работоторговле. Имя Колстона, несмотря на давление леволиберальных сил, стремилась сохранить одна из престижных городских школ (Colston's Girls' School). Защитником имени Колстона в городе долгое время оставалось «Общество торговцев-предпринимателей» (The Society Of Merchant Venturers) — некогда могущественная ассоциация бристольской буржуазии, членом которой был и сам Э. Колстон, а ныне городская благотворительная организация. Своей бескомпромиссной позицией в отношении культа Колстона прославился член городского совета Бристоля от консерваторов Р. Эдди. Общественное мнение в городе также не было единым — после объявления «Колстон Холла» о своем переименовании две петиции *против* этого собрали в общей сложности около 5000 подписей, а местные газеты оказались буквально завалены возмущенными письмами.

Таким образом, к 7 июня 2020 г. ситуация в Бристоле выглядела следующим образом: стратегическая инициатива в мнемоническом противостоянии принадлежала «ревизионистам», которым удавалось добиваться медленного, но неуклонного очищения Бристоля от имени Колстона, «охранители» при этом продолжали успешно оборонять некоторые ключевые позиции вроде монумента Колстону, несмотря на все усилия левых даже оригинальная надпись на постаменте 1895 г., характеризующая Колстона как «одного из самых мудрых и добродетельных сынов города», оставалась на своем месте. Однако BLM-протесты в Британии, выдвинувшие на первый план в публичных обсуждениях тему расизма, социального неравенства, ответственности стран глобального Севера за преступления колониализма, резко изменили баланс сил в пользу «ревизионистов». Это позволило им перейти в решительное наступление.

Тем не менее свержение статуи Колстону не стало финалом агонистического противостояния в Бристоле. Наоборот, дискуссии о деколонизации исторической памяти вышли далеко за пределы города, приобретя общенациональный (а в какой-то степени, учитывая резонанс в мировых медиа, и глобальный) масштаб. Снос монумента, осуществленный протестующими без соответствующего юридического решения, разделит теперь уже не только бристольтцев, но и всех британцев. Леволиберальная часть общества в основном приветствовала свержение статуи, увидев в случившемся радикальный акт переформатирования ключевого «места памяти» горожан: стоявший в центре Бристоля памятник был символом расизма и колониализма, теперь же пустой постамент символизировал собой победу местного сообщества над расизмом и колониализмом. Члены LGA Labour (Ассоциации британских муниципалитетов, включающей

в себя городские советы с лейбористским большинством) пообещали провести в своих округах ревизию памятников, чтобы убедиться, что они, во-первых, представляют историческую ценность и, во-вторых, не приводят к общественному расколу. Мэр Лондона лейборист Садик Хан инициировал создание специальной комиссии, призванной оценить столичную топонимику на предмет ее соответствия принципам культурного плюрализма. Группа активистов создала интерактивную карту спорных монументов Британии под названием «Сбрось расистов с постамента» (*Topple the Racists*)¹. Главный аргумент «ревизионистов» состоял в том, что снос памятников и переименование улиц — это не борьба с прошлым, но попытка зафиксировать новые общественные конвенции, соответствующие ценностям *сегодняшней* Британии.

Что касается «охранителей», представляющих в основном правоконсервативный спектр, то ключевыми словами в их дискурсе по отношению к BLM-активистам стали «вандализм» и «культурная война». В частности, одна из консервативных комментаторов отметила, что борьба с памятниками ставит протестующих в один ряд с Талибаном и ИГИЛ (Webb 2020). «Новым Талибаном» назвал активистов BLM и глава правоконсервативной UKIP Наджел Фарадж. Осудили снос памятника Колстону премьер Борис Джонсон и многие другие тори. В ответ на появление интерактивной карты *Topple the Racists* была запущена общенациональная кампания под лозунгом «Спасите наши памятники»². Нет нужды объяснять, что «охранители», в отличие от своих оппонентов, видят в традиционном нарративе, который символизируют собой Эдвард Колстон, Роберт Миллиган³ или Сесил Родс⁴, сердцевину британской идентичности. В такой оптике борьба

¹ Интерактивная карта доступна по ссылке: <https://www.toppletheracists.org/> (дата обращения: 29.05.2023).

² Интернет-страница доступна по ссылке: <https://saveourstatues.net/> (дата обращения: 29.05.2023).

³ Р. Миллиган (1746–1809) — крупный британский предприниматель, занимавшийся в том числе работоторговлей. Его памятник, установленный в Лондоне напротив Музея доков, был демонтирован спустя два дня после событий в Бристоле.

⁴ С. Родс (1853–1902) — один из организаторов британской колонизации Южной Африки и создателей системы апартеида, а кроме того меценат, который пожертвовал значительную сумму денег родному Оксфордскому университету и учредил стипендию для обучения в Оксфорде для студентов из Британского Содружества. В 2015 г. в Кейптауне (ЮАР) началась общественная кампания *Rhodes Must Fall* за демонтаж статуи Родса с территории местного университета. Вскоре с аналогичными требованиями выступили учащиеся Оксфорда, где также стояла статуя Родса. В июне 2020 г. на волне BLM-протестов монумент был убран с территории оксфордского Ориел-колледжа.

против памятников этим персонажам оказывается атакой на историю *как таковую*, актом неуважения к предшествующим поколениям. Эта мысль ясно звучит в своеобразном манифесте, который выпустила к годовщине событий в Бристоле группа ультраконсервативных депутатов британского парламента The Common Sense Group. Авторы текста сетуют, в частности, что благодаря «левакам»¹ британское культурное наследие оказалось под ударом: проблематизируется национальная идентичность, «очерняются ключевые фигуры нашей истории», Британская империя больше не расматривается как «цивилизующая сила» (Common Sense 2021: 19–20).

В самом же Бристоле после описанных событий дальнейшая судьба памятника Колстону оставалась неясной. Поднятый спустя четыре дня из воды, монумент в том же виде — со следами краски и повреждений — был помещен в городской музей, а место вокруг пустого постамента спонтанным образом превратилось в своеобразную агору, где политизированная часть бристольтцев собиралась для обсуждения острых общественных проблем. Однако окончательного решения ни по статуе, ни по постаменту принято не было. В этой ситуации по инициативе мэра города была образована специальная комиссия (We Are Bristol History Commission), призванная решить все эти вопросы, а заодно обсудить стратегию выработки такой локальной памяти, с которой, в отличие от той, что была десятилетиями выстроена вокруг Колстона, могли бы идентифицировать себя все бристольтцы. В комиссию вошли представители городского совета, академического сообщества (историки, философы, юристы) и местных профсоюзов.

Для того чтобы сделать обсуждение максимально демократичным, комиссия подготовила и провела специальный опрос, в котором приняли участие 14 000 человек (преимущественно через Интернет). Четверо из пяти проголосовавших выступили за то, чтобы памятник Колстону был оставлен в городском музее, 65 % высказались за установку рядом с пустым постаментом таблички, информирующей о событиях 7 июня 2020 г., также большинство респондентов заявили, что они испытали «очень позитивные» (50 %) или просто «позитивные» (15 %) чувства от свержения монумента, негативные чувства от произошедшего отметили 27% участников опроса². Иными словами, большинство бристольтцев примкнуло так

¹ В тексте говорится о woke ideology, носителями которой объявляются лейбористы, либеральные демократы и зеленые.

² С итоговым отчетом комиссии можно ознакомиться по ссылке: <https://www.bristol.gov.uk/council-and-mayor/policies-plans-and-strategies/we-are-bristol-history-commission> (дата обращения: 29.05.2023).

или иначе к лагерю «ревизионистов». Рекомендации комиссии по итогам ее работы вытекали из полученных ответов: монумент Колстону должен находиться в музее, а рядом с постаментом необходимо установить табличку, в которой разъяснялась бы история установки памятника и причины, по которой он был демонтирован. В апреле 2022 г. городские власти утвердили это решение.

В новой ситуации, сформированной BLM-протестами, акции «охранителей» резко пошли вниз, поэтому прежние защитники Колстона предпочли по большей части либо хранить молчание, либо, как «Общество торговцев-предпринимателей», поддержать снос монумента. «Деколстонизация» Бристоля вообще пошла с тех пор гораздо активнее: примерно в течение года спорное имя было убрано из названия двух школ, университетского здания, паба, в кафедральном соборе был снят витраж, посвященный Колстону. Хотя это не значит, что наш герой в одночасье превратился в токсичную фигуру абсолютно для всех горожан. Скажем, когда Школа имени Колстона (Colston's School) в декабре 2021 г. провела открытый опрос на тему своего возможного переименования, большинство респондентов неожиданно для многих проголосовали за сохранение исторического названия. Поэтому в описанном нами противостоянии, по-видимому, рано ставить точку — в той или иной форме дебаты вокруг исторической памяти бристольтцев наверняка продолжатся, однако есть ощущение, что громче всех теперь будет звучать голос «ревизионистов». Британия меняется, становится более мультикультурной, более чувствительной к сложным страницам собственной истории, а все эти тенденции в перспективе оставляют не так много возможностей сохранить тот исторический миф, на котором в Бристолье и вырос когда-то культ Эдварда Колстона.

Рига: колонизатор ли Пушкин?

Второй пример, который мы хотели бы рассмотреть, — это многолетний конфликт вокруг «советского/российского наследия» в столице Латвии Риге. В фокусе нашего внимания будет не один кейс, как в вышеописанном случае, а скорее общий характер и логика соответствующей дискуссии, но, как будет показано ниже, спорные ситуации вполне вписываются в такую схему политического взаимодействия акторов, где предметом внимания является объект городского ландшафта, мобилизующим фактором — коллективная память об этом объекте, а характер действия в его отношении имеет выраженный агонистический характер.

Если обратиться к статистике, то с точки зрения этнического состава Рига — довольно пестрый город, но пестрота эта не однородная. В ней,

если можно так выразиться, заметно преобладают две краски. По данным за 2022 г., жители города идентифицируют себя как латыши — 47,37 %, русские — 35,71 %, белорусы — 3,59 %, украинцы — 3,49 %, поляки — 1,7 %, литовцы — 0,79 %, другие — 7,35 %¹. Но эти большинство и крупное меньшинство, определяемые по этнокультурной самоидентификации, на политическую карту города (как и страны в целом) проецируются совершенно не в соответствии с формальными численными показателями (если судить, в частности, по результатам выборов в латышский Сейм, прошедших осенью 2022 г.: по их итогам партия «Согласие», чей ядерный электорат традиционно составляли русскоязычные латыши, даже не преодолела проходной барьер, и голоса избирателей преимущественно получили «внеэтнические» проевропейские либерально-консервативные политические силы).

На фоне избирательной кампании продолжались и отчасти обострились дебаты в Риге и в стране в целом о том, как поступить с памятниками и наименованиями улиц, относящимися к советскому периоду латышской истории. Примеров немало. Остановимся на наиболее показательных. Так, самым резонансным событием последних месяцев стал снос монумента «Памятник воинам Советской Армии — освободителям Советской Латвии и Риги от немецко-фашистских захватчиков» в августе 2022 г. Опустим комментарии официальных российских инстанций (они, естественно, были негативными), но и в рядах рижских политиков также не было единства. В частности, Агнесе Логина (партия «Консервативные») в ходе дебатов выразила точку зрения, что снос памятника не решит все проблемы республики. По ее мнению, «монумент нужно было бы сохранить, при этом изменив “исторический контекст” в соответствии с “новыми условиями”» (Тарасенко 2022). Мирослав Митрофанов («Русский союз Латвии») показал видео, снятое у посольства Латвии в Москве: группа активистов возложила цветы к импровизированному мемориалу воинам-освободителям Риги. В ходе голосования в Рижской думе 38 городских депутатов проголосовали за снос, 7 — выступили против, воздержавшихся не было. В свою очередь, партия «Русский союз Латвии» подавала заявку для проведения в центре города митинга протеста против сноса, но власти ее не согласовали. В стихийных уличных протестах приняло участие несколько сотен человек, около полутора десятков было задержано. В итоге к концу августа 2022 г. памятник был демонтирован.

¹ Официальная латвийская статистика доступна по ссылке: https://data.stat.gov.lv/pxweb/en/OSP_PUB/START_POP_IR_IRE/IRE030/ (дата обращения: 05.05.2023).

Памятник Александру Пушкину в Риге также регулярно становится предметом обсуждения среди жителей города. Скульптурное изображение поэта в центральной части города, в парке Кронвалда, относительно новое, установлено оно было всего лишь в 2009 г., его автор — российский скульптор Александр Таратынов, и работа была доставлена в Латвию из России. Окружающая территория топонимически также имеет отношение к Пушкину: близлежащий бульвар с 1899 по 1923 г. носил название Пушкинского бульвара (он получил его в честь столетия со дня рождения поэта, который, правда, в Риге так и не побывал).

Еще в 2020 г. дальнейшую судьбу памятника обсуждали в связи с заявлением писательницы и журналистки Сандры Вейнберги, назвавшей памятник «нелепым» и свидетельствующим «о пустоте латвийских культурных связей» (Коре 2020). Тогда, впрочем, спор не вышел за пределы комментариев в прессе и социальных сетях. Но к весне 2023 г. предложения о сносе памятника стали звучать уже и на официальном уровне. В частности, с идеей снести монумент выступили некоторые депутаты из партии «Код для Риги». Параллельно противники сноса организовали уличную акцию протеста: здание Рижской думы пикетировали около двух сотен человек с плакатами «Депутат, не борись с прошлым, отвечай за настоящее», «Пушкин — наше всё», Don't push the Pushkin и т.д. Примечательно, что митинг не стал сугубо русскоязычным мероприятием: лозунги на плакатах были на четырех языках (латышский, русский, английский и французский), представители различных политических и общественных организаций читали стихи (самого Пушкина и о нем) также по-русски и по-латышски. Как резюмировала депутат Рижской думы Инна Дьери, «ненормально, когда образованные люди действуют как варвары. Оставьте Пушкина в покое» (Как рижане... 2023).

На протяжении зимы-весны 2023 г. Рижская дума рассматривала возможность переноса памятника в другое место, которое для него определят позже, по крайней мере о таком варианте заявлял руководитель бюро заместителя председателя думы Линды Озолы. Когда текст настоящей статьи был уже готов, из столицы Латвии пришли новости, что памятник все же демонтирован, но не уничтожен, а помещен на временное хранение с тем, чтобы потом быть переданным музею Союза художников Латвии (с ним уже достигнута договоренность о хранении скульптуры и будущей ее экспозиции). Перенос памятника, однако, не снял остроту обсуждений — теперь уже свершившегося факта. Таким образом, можно сказать, что этот конкретный случай агонистической борьбы по поводу значимого культурного символа пока не получил своего окончательного разрешения.

В существующих реалиях противоречивое отношение к памятнику во многом объяснимо, учитывая, что Пушкин воспринимается как символ всей русской культуры, и, как следствие, ассоциируется с Россией как таковой, в том числе с текущей российской политикой (последнее, конечно, совершенно безосновательно, но перед нами логика политического мифа, в корне отличная от рационального суждения). И коль скоро для всякого национализирующегося сообщества (возьмем на себя смелость утверждать, что все постсоветские общества по сей день в том или ином качестве — именно национализирующиеся) соотношение собственно истории, исторического мифа и их материальных воплощений в произведениях искусства и архитектуры обладает выраженными политическими свойствами и последствиями, дилемма «снести или оставить» не может не становиться предметом конфликта в той или иной степени. Как замечают авторы коллективной монографии «Прибалтийские русские: история в памятниках культуры», «памятники материальной культуры в методическом плане рассматриваются как инструмент строительства нации» (Гапоненко 2010). Напрашивается вопрос — *какой именно* нации? Как и кем артикулируется ее нарратив, на каких символических основаниях строится национальное сообщество и кого оно включает в себя (и соответственно из себя исключает)? Это вопросы намного более широкие, чем предполагает объем настоящей статьи. Но с полной уверенностью можно утверждать: спор о памятниках — полноправная часть этой многовекторной дискуссии.

Продолжаются также дебаты о переименовании рижских улиц, названных в честь различных русских деятелей культуры и науки. В частности, с такой инициативой в 2022 г. выступил Латвийский центр государственного языка. По словам юриста Кристины Яриновской, в центр самоуправления Риги были направлены предложения заменить названия улицы Ломоносова, Пушкина, Тургенева, Русас, Лермонтова, Эйзенштейна, Сахарова, Келдыша улицами в честь деятелей латышской культуры Зенты Маурини, Миленбаха, Пурвитиса, Улдиса Берзиньша, Плудониса, Бригадере, Скалбе, Каудзиша (В Риге хотят... 2022). Не так давно был поднят и вопрос о переименовании аллеи, названной в честь проживавшего в Риге писателя Валентина Пикуля: на эту тему высказался бывший министр юстиции, лидер Новой консервативной партии Янис Борданс, по мнению которого, в столице Латвии не должно быть места прославлению «певца российского империализма» (Министр юстиции... 2022).

В отличие от Пушкина, Пикуль не просто бывал в столице Латвии, но и провел там долгие годы жизни, в Риге же он умер и похоронен. В связи с этими обстоятельствами в 2016 г. самоуправление Риги (которое

тогда возглавлял глава партии «Согласие» и экс-мэр Риги Нил Ушаков) приняло решение о присвоении названия участку одной из улиц — «аллея Валентина Пикуля» и одной из пешеходных дорожек — «тропы Валентина Пикуля». Теперь же Борданс в беседе с директором Центра государственного языка (ЦГЯ) Марисом Балтиньшем выразил недовольство этим решением; последний в ответ напомнил, что еще в 2016 г. призвал тогдашнего министра охраны среды и регионального развития Каспарса Герхардса отменить это решение, правда ответа от министерства не поступило до сих пор.

Все эти случаи можно было бы списать на частности, на издержки предвыборной борьбы или рутинную политическую конъюнктуру. Однако видится в подобных событиях и процессах более глубокая символика, связанная с *genius loci*, нормами политического общежития и ритуалами повседневной жизни. Как заметил итальянский архитектор, теоретик архитектуры Альдо Росси в своей много раз переиздававшийся книге «Архитектура города», «важность ритуала и его коллективная природа, его ключевая роль как хранителя мифа — это ключ к пониманию значения памятников и, что для нас особенно важно, к значению основания города и передачи идей в городском пространстве» (Росси 2015: 11).

Замечательную историю рассказывает американский славист Кевин Платт, не раз писавший о Латвии и хорошо знающий местную специфику. История эта связана с памятником Петру I, стоявшему на центральной площади Риги до Первой мировой войны. «Во время Первой мировой войны памятник сняли с пьедестала и отправили на сохранение в Санкт-Петербург. Но до столицы империи он так и не доехал: корабль, на котором его перевозили, затонул. Десятилетия спустя его достали со дна эстонские спасатели, после чего памятник все же добрался до Латвии. Тем временем в Латвии в период первой независимости 1920–1930-х годов на месте памятника Петру возвели монумент свободе. Петровскому же монументу было суждено десятилетиями, во время войны и все годы советской Латвии, пылиться на складе» (Платт 2010). Тем всё дело могло бы и кончиться, если бы не частная инициатива, придавшая этому сюжету динамику, весьма примечательную и характерную в контексте настоящего исследования. В 1998 г. предприниматель Евгений Гомберг (русскоязычный гражданин Латвии еврейского происхождения) предложил памятник восстановить на прежнем месте и готов был финансировать этот проект. Естественно, разгорелся скандал «после долгих пререканий, споров и протестов со стороны латышских политиков, утверждающих, что не следует ставить памятник иностранному завоевателю в столице независимой Латвии, что десятки тысяч людей погибли во время петров-

ской осады Риги, город подарка не принимает». (Как экспрессивно выразился депутат рижской думы Янис Фрейманис, «он палач, палач!») В результате монумент и по сей день стоит перед зданием офиса Гомберга, констатирует Платт.

Почему памятник русскому царю вызывал такое неприятие у рижских городских властей? Напомним, речь идет не о событиях последних месяцев, а о конце 1990-х годов. «С националистической точки зрения, советские, русские, цари, комиссары — одно и то же. Поэтому отказ от “подарка” Гомберга — естественный патриотический жест... проекты Гомберга актуализируют и возобновляют альтернативную историю территории, согласно которой Латвия являлась именно колонией Российской империи, а потом и Советского Союза в более классическом смысле: она получила “дар модерности” и “дар мировой культуры” не благодаря причастности к общеевропейской истории, а из рук завоевателя», — поясняет Платт (Платт 2010).

Это очень интересная гипотеза. В сущности, это та же логика, что у «колонизаторов» с противоположной стороны, которые исходят из представления о «перенниальном» (термин историка Э. Смита)¹ характере государства (и, например, устанавливают памятник полумифическому князю Владимиру под стенами Кремля, на Боровицком холме — уж более символического места власти как будто бы и не найти, как если бы это был точно такой же по своему политическому значению и культурному бэкграунду деятель, как современный глава государства).

С учетом вышеописанных ситуаций возникает вопрос: вписываются ли подобные случаи в пост/деколониальную проблематику? Следует ли рассматривать подобные случаи в контексте постколониальных городских исследований, ведь географически эти случаи не выходят за границы Европы (мы все же будем придерживаться той точки зрения, что культурно и политически Россия принадлежит Европе). По выражению Платта, европейская современность «имеет пористые границы», что подтверждает и кейс Латвии: «В Париже или Лондоне вид на заокеанскую колонию

¹ Соотнося примордиальную и перенниалистскую парадигму нации, Смит обращает внимание на то, что, хотя сторонники второго подхода и уходят от социобиологических объяснений происхождения подобных сообществ, избегают избыточного обобщения в описании предмета своего исследования им также не удается: несмотря на то что акцент переносится на «историю», сохраняется редуцирующий и детерминистский характер интерпретации понятия «нация». Что же до самого термина «перенниализм», то он, по Смигу, «приписывает исторической древности типа социальной и политической организации, известной как “нация”, древний или вечный (perennial) характер» (Смит 2004: 293).

порождает мысль об очевидности и целостности европейской цивилизации. Но взгляд на восток, через бесконечные буферные зоны, подрывает такую уверенность» (Платт 2010).

Эта проблематика, связанная с переосмыслением концептов Востока и Запада, с политическими аспектами нового прочтения территориальности крайне широка. Ее невозможно свести к точке на карте, представленной одним городом, или даже несколькими. Тем не менее сюжеты, подобные вышеописанным, на наш взгляд, лишний раз подтверждают, что пост/деколониальный хронотоп имеет комплексное, многосоставное устройство и не исчерпывается вертикально организованной бинарной схемой «угнетатель — угнетенный»¹. А в пространстве города, с его гибкими внутренними взаимосвязями, высокой степенью разнообразия, разнонаправленными динамиками самоорганизации и управления такие процессы приобретают дополнительные, притом не всегда очевидные, измерения, а значит требуют не только адекватных исследовательских подходов, но и соответствующих политических решений и общественных инициатив.

Заключение

Одно из конституирующих свойств города заключается в том, что это система не просто сложная, но и не поддающаяся тотальному управлению во всех аспектах своей жизни. Не хотелось бы впадать в «ересь органицизма», но город действительно намного более похож на организм, нежели на машину (и отчасти это объясняет тот факт, что ни один из предложенных когда-либо проектов «города-утопии» не удалось воплотить в жизнь, хотя, возможно, Илон Маск сохраняет оптимизм относительно будущего своего строящегося Снэйлбрука). Город-утопия невозможен именно потому, что город как особое политическое и культурное пространство не подлежит абсолютному выравниванию, к чему, собственно, и призывает утопия. Внутренняя сложность города, вкупе с известной долей спонтанности, нерегулируемости городской жизни и политическим плюрализмом, становятся необходимыми ингредиентами для возникновения агонистических практик в городской среде, которые были предметом рассмотрения в статье. При этом элементы городской среды (мону-

¹ Кстати, К. Платт в цитируемой статье остроумно сравнивает европейскую идентичность с таким «исконно русским» образом, как матрешка: «Подобно матрешке, идентичность европейских обществ зависит от бесконечной системы постепенных градаций между западным центром и восточной периферией. При этом в сердцевине матрешки ничего нет».

менты, мемориальные таблички, названия улиц, музеи и пр.) нередко становятся одновременно и объектом борьбы, и инструментарием, который конкурирующие акторы используют для (пере)утверждения собственной политической субъектности.

В случае нашего исследования, центрированного на проблеме исторической памяти, агонистические конфликты в городе оказывались частью более широкой повестки. В Бристолe и Риге контраверсы локальной памяти неотделимы от общенациональных дебатов о прошлом — имперском или колониальном, в свою очередь мемориальные дискуссии являются частью процесса (пере)определения городского и национального сообщества как более или менее инклюзивного, проведения участниками этого процесса символической границы между «Мы-сообществом» и политическим/культурным Другим.

Предложенный в статье процессуальный взгляд на историческую память с его акцентом на борьбе разных акторов за интерпретацию прошлого лишает расхожее выражение «переписывание истории» привычных негативных коннотаций. Скорее процесс ревизии прошлого видится естественным, поскольку доминирующий исторический нарратив отражает установившиеся в том или ином обществе конвенции, которые с течением времени могут пересматриваться в той мере, в какой миноритарным группам удастся в силу различных причин изменить сложившуюся властную диспозицию на мнемоническом поле. Историки могут критиковать соперничающие нарративы, что называется, по существу — с точки зрения их соответствия «исторической правде». Принадлежа к другому профессиональному цеху, мы не ставили перед собой такой задачи. Но если по итогам проведенного исследования и возможна какая-то оценка, то она может касаться самих агонистических практик, связанных с борьбой разных «памятей» в городском пространстве. На наш взгляд, существование этих практик стоит рассматривать как позитивное явление хотя бы потому, что оно помогает в какой-то мере преодолеть состояние постполитики, ставшее предметом рефлексии левых интеллектуалов (Ж. Рансьера, Ш. Муфф и т.д.) в последние десятилетия. Речь идет о таком состоянии современных обществ, в котором нет места политическим страстям и полноценному идеологическому противоборству («конец идеологии»), что неизбежно влечет за собой деполитизацию, упадок гражданского участия, снижение социального капитала. Описанные же нами практики, напротив, заставляют людей «выйти на агору», занять гражданскую позицию, солидаризироваться с той или иной стороной в публичном споре. Агонистические конфликты работают на реполитизацию общества еще и в том смысле, что для их разрешения, как мы видели

на примере Бристоля, порой приходится прибегать к разного рода партиципаторным практикам. Таким образом, агонизм позволяет актуализировать то измерение политики, которое возникло в античном полисе, и которое, как подчеркивал Аристотель, отличает людей свободных: у последних политика оказывается не просто *управлением обществом* (такая «политика» была и у современных Аристотелю персов, ее можно найти в любой сегодняшней диктатуре), но *общением, взаимодействием граждан по поводу общего блага*. И здесь роль города как пространства, в котором оказывается возможно такое взаимодействие, трудно переоценить.

Литература

- Арендт Х. (2000) *Vita activa, или О деятельной жизни*. СПб.: Алетейя.
- Ассман А. (2014) *Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика*. М.: НЛО.
- Бурдые П. (2007) *О символической власти. Социология социального пространства*. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя: 87–96.
- Вебер М. (2017) *Город*. М.: Strelka Press.
- Гапоненко А.В. (ред.) (2010) *Прибалтийские русские: история в памятниках культуры*. Рига: Институт европейских исследований.
- Джейкобс Дж. (2011) *Смерть и жизнь больших американских городов*. М.: Новое издательство.
- Зиммель Г. (1909) *Социальная дифференциация: социологические и психологические исследования*. М.: Издание М. и. С. Сабашниковых.
- Копосов Н.Е. (2011) *Память строгого режима. История и политика в России*. М.: НЛО.
- Миллер А. (2009) Россия: власть и история. *Pro et Contra*, 13(3–4): 6–23.
- Малинова О.Ю. (2018) Политика памяти как область символической политики. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко (отв. ред.) *Методологические вопросы изучения политики памяти*. М.; СПб.: Нестор-история: 27–53.
- Нора П. (1999) *Франция-память*. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та.
- Платт К. (2010) Оккупация vs. колонизация: история, постколониальность и географическая идентичность. Случай Латвии. *Неприкосновенный запас*, 3. [http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz_71/6961-okkupaciya-vs-kolonizaciya-istoriya-postkolonialnost-i-geograficheskaya-identichnost-sluchaj-latvii.html] (дата обращения: 30.04.2023).
- Росси А. (2015) *Архитектура города*. М.: Strelka Press.
- Смит Э.Д. (2004) *Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма*. М.: Праксис.
- Терборн Й. (2020) *Города власти. Город, нация, народ, глобальность*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Тлостанова М. (2020) Постколониальный удел и деколониальный выбор: постсоциалистическая медиация. *Новое литературное обозрение*, 1(161). [https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21972/] (дата обращения: 24.04.2023).

Трубина Е. (2020) Постколониальная критика и урбанистическая теория. *Новое литературное обозрение*, 1(161). [https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21980/] (дата обращения: 29.04.2023).

Хальбвакс М. (2007) *Социальные рамки памяти*. М.: Новое издательство, 2007.

Хирш М. (2021) *Поколение постпамяти. Письмо и визуальная культура после Холокоста*. М.: Новое издательство.

Эппле Н. (2022) *Неудобное прошлое. Память о государственных преступлениях в России и других странах*. М.: НЛО.

Ash A. (2010) Collective Culture and Urban Public Space. In: *Urban Diversity. Space, Culture and Inclusive Pluralism in Cities Worldwide*. Ed. by C. Kihato et al. Baltimore: Johns Hopkins University Press.

Bell D. (2008) Agonistic Democracy and the Politics of Memory. *Constellations*, 15(1): 148–166.

Bishop R., Phillips J., Yeo W.W. (eds.) (2013) *Postcolonial Urbanism: Southeast Asian Cities and Global Processes*. L.: Routledge.

Bull A., Hansen H. (2016) On agonistic memory. *Memory Studies*, 4(9): 1–15.

Burch-Brown J. (2017) Is it wrong to topple statues and rename schools? *Journal of Political Theory and Philosophy*, 1: 59–88.

Catterall P. (2017) Changing Attitudes to the Past: *Lieux de Memoire* and Contested Histories. *The Political Quarterly*, 4(88): 632–639.

Common Sense. Conservative Thinking for a Post-Liberal Age (2021) Common Sense Group.

Datta A., Shaban A. (eds.) (2016) *Mega-Urbanization in the Global South: Fast Cities and New Urban Utopias of the Postcolonial State*. L.: Taylor & Francis.

Edensor T., Jayne M. (eds.) (2012) *Urban Theory beyond the West: A World of Cities*. L.: Routledge.

Mouffe Ch. (2005). *On the Political*. L.: Routledge.

Mouffe Ch. (2013) *Agonistics: Thinking the World Politically*. L.; N.Y.: Verso.

Olick J.K. (1999) Collective Memory: The Two Cultures. *Sociological Theory*, 3(17): 333–348.

Ren J. (2020) Postcolonial Urbanism. In: *Urban Studies* / R. Dilworth (ed.). N.Y.: Oxford University Press.

Источники

В Риге хотят переименовать улицы, названные в честь русских поэтов, писателей, ученых (2022) *Eadaily.com* [<https://eadaily.com/ru/news/2022/06/25/>]

v-rige-hotyat-pereimenovat-ulicy-nazvannye-v-chest-russkih-poetov-pisateley-uchyonyh] (дата обращения: 01.05.2023)

Как рижане защищали Пушкина — репортаж с Ратушной площади (2023) *Baltija.eu* [<https://baltija.eu/2023/03/13/kak-rijane-zashishali-pyshkina-reportaj-s-ratyshnoi-ploshadi/>] (дата обращения: 15.05.2023).

Латвийский профессор возмутилась памятником Пушкину в Риге (2020) *Eadaily.com* [<https://eadaily.com/ru/news/2020/04/24/latviyskiy-professor-vozmutilas-pamyatnikom-pushkinu-v-rige>] (дата обращения: 03.05.2023).

Министр юстиции Латвии: недопустимо, что в Риге есть аллея имени Валентина Пикуля (2022) *Eadaily.com* [<https://eadaily-com.turbopages.org/eadaily.com/s/ru/news/2022/05/27/ministr-yusticii-latvii-nedopustimo-chto-v-rige-est-alleya-imeni-valentina-pikulya>] (дата обращения: 11.05.2023).

Тарасенко П. (2022) Рига освобождается от освободителей. *Коммерсант*. №83 [<https://www.kommersant.ru/doc/5354217>] (дата обращения: 06.05.2023).

How we Bristolians have been brainwashed into believing Edward Colston is a hero (2017) *Bristol Post*. [<https://www.bristolpost.co.uk/news/bristol-news/opinion-how-bristolians-been-brainwashed-698067>] (дата обращения: 29.05.2023).

Webb E. (2020) Sadiq Khan's statue review is a mistake. *The Spectator*. [<https://www.spectator.co.uk/article/sadiq-khan-s-statue-review-is-a-mistake/>] (дата обращения: 29.05.2023).

CITY AS A POLIS: AGONISTIC PRACTICES IN THE URBAN ENVIRONMENT

Denis Letnyakov (letnyakov@mail.ru),
Veronika Sharova (veronika.sharova@gmail.com)

Institute of Philosophy of the RAS, Moscow, Russia

Citation: Letnyakov D., Sharova V. (2023) Gorod kak polis: agonisticheskiye praktiki v gorodskoy srede [City as a polis: agonistic practices in the urban environment]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 26(3): 136–162 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.4.5>. EDN: TDBVX

Abstract. The article analyzes a special type of political behavior and political conflict, which the authors propose to call “agonistic”. Based on the works of Chantal Mouffe, Hannah Arendt and others, the concept of agonistics in the public sphere of democratically organized societies, is considered. The article notes that in the urban environment, agonistic conflicts manifest themselves most intensively, which, in particular, is due to the high degree of diversity of elements of the city as a system, as well as the presence in it of objects that have symbolic significance in the process of actors’ competition for the possession of discursive power. It is suggested that the “wars

of memory and monuments”, which in recent years have been a significant part of the socio-political life in Europe and the societies of the post-Soviet space, can be interpreted in accordance with this concept. As examples, the authors explore two cases, which are: the debate around the statue of Edward Colston in Bristol, England, and the discussion about the future of the Soviet cultural and architectural heritage in the capital of Latvia, Riga. The article also raises the following question: whether these cases should be considered in the context of a new area of socio-humanitarian knowledge, post-colonial urban studies.

Keywords: urban studies, pluralism, political competition, symbolic politics, politics of memory, discursive power, political conflict, agonistic practices.

References

- Arendt H. (2000) *Vita activa, ili O deyatel'noy zhizni* [The Human Condition]. St. Petersburg: Aleteya (in Russian).
- Ash A. (2010) Collective Culture and Urban Public Space. In: Kihato C. et al. (eds.) *Urban Diversity. Space, Culture and Inclusive Pluralism in Cities Worldwide*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Assman A. (2014) *Dlinnaya ten' proshlogo: memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Politics]. Moscow: NLO Publ. (in Russian).
- Bell D. (2008) Agonistic Democracy and the Politics of Memory. *Constellations*, 15(1): 148–166.
- Bishop R., Phillips J., Yeo W.W. (eds.) (2013) *Postcolonial Urbanism: Southeast Asian Cities and Global Processes*. London: Routledge.
- Bourdieu P. (2007) *O simvolicheskoy vlasti. Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [On symbolic power. Sociology of social space]. Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aleteya: 87–96 (in Russian).
- Bull A., Hansen H. (2016) On agonistic memory. *Memory Studies*, 4(9): 1–15.
- Burch-Brown J. (2017) Is it wrong to topple statues and rename schools? *Journal of Political Theory and Philosophy*, 1: 59–88.
- Catterall P. (2017) Changing Attitudes to the Past: *Lieux de Memoire* and Contested Histories. *The Political Quarterly*, 4(88): 632–639.
- Common Sense. *Conservative Thinking for a Post-Liberal Age* (2021) Common Sense Group.
- Datta A., Shaban A. (eds.) (2016) *Mega-Urbanization in the Global South: Fast Cities and New Urban Utopias of the Postcolonial State*. London: Taylor & Francis.
- Edensor T., Jayne M. (eds.) (2012) *Urban Theory beyond the West: A World of Cities*. London: Routledge.
- Epple N. (2022) *Neudobnoye proshloye. Pamyat' o gosudarstvennykh prestupleniyakh v Rossii i drugikh stranakh* [An Inconvenient Past. Memory of State Crimes in Russia and Other Countries]. Moscow: NLO Publ. (in Russian).
- Gaponenko A.V. (ed.) (2010) *Pribaltiyskiye russkiye: istoriya v pamyatnikakh kul'tury* [Baltic Russians: history in cultural monuments]. Riga: Institut yevropeyskikh issledovaniy [Institute for European Studies] (in Russian).

Halbwachs M. (2007) *Sotsial'nyye ramki pamyati* [Social Frameworks of Memory]. Moscow: Novoye izdatel'stvo (in Russian).

Hirsch M. (2021) *Pokoleniye postpamyati. Pis'mo i vizual'naya kul'tura posle Kholokosta* [The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture after the Holocaust]. Moscow: Novoye izdatel'stvo (in Russian).

Jacobs J. (2011) *Smert' i zhizn' bol'shikh amerikanskikh gorodov* [The Death and Life of Great American Cities]. Moscow: Novoye izdatel'stvo (in Russian).

Koposov N.Y. (2011) *Pamyat' strogogo rezhima. Istoriya i politika v Rossii* [Memory of the Brutal Regime: History and Politics in Russia]. Moscow: NLO Publ. (in Russian).

Malinova O.Y. (2018) Politika pamyati kak oblast' simvolicheskoi politiki [The politics of memory as an area of symbolic politics]. In: Miller A.I., Efremenko D.V. (eds.) *Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati* [Methodological Issues of Memory Studies]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-istoriya: 27–53 (in Russian).

Miller A. (2009) Rossiya: vlast' i istoriya [Russia: Power and History]. *Pro et Contra*, 3–4(13): 6–23 (in Russian).

Mouffe Ch. (2005) *On the Political*. London: Routledge.

Mouffe Ch. (2013) *Agonistics: Thinking the World Politically*. London; New York: Verso.

Nora P. (1999) *Frantsiya-pamyat'* [France — Memory]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta (in Russian).

Olick J.K. (1999) Collective Memory: The Two Cultures. *Sociological Theory*, 3(17): 333–348.

Platt K. (2010) Okkupatsiya vs. kolonizatsiya: istoriya, postkolonial'nost' i geograficheskaya identichnost'. Sluchay Latvii [Occupation vs. colonization: history, post-coloniality and geographic identity. Case of Latvia]. *Neprikosnovennyy zapas*, 3 [http://www.intelros.ru/readroom/nz/nz_71/6961-okkupaciya-vs-kolonizaciya-istoriya-postkolonialnost-i-geograficheskaya-identichnost-sluchaj-latvii.html] (accessed: 30.04.2023) (in Russian).

Ren J. (2020) Postcolonial Urbanism. In: Dilworth R. (ed.) *Urban Studies*. New York: Oxford University Press.

Rossi A. (2015) *Arkhitektura goroda* [Architecture of the city]. Moscow: Strelka Press (in Russian).

Simmel G. (1909) *Sotsial'naya differentsiatsiya: sotsiologicheskiye i psikhologicheskiye issledovaniya* [Social differentiation: sociological and psychological studies]. Moscow: Izdaniye M. i. S. Sabashnikovoykh (in Russian).

Smith A.D. (2004) *Nacionalizm i modernizm: Kriticheskij obzor sovremennykh teorij nacij i nacionalizma* [Nationalism and Modernism. A Critical Survey of Recent Theories of Nations and Nationalism]. Moscow: Praxis (in Russian).

Therborn G. (2020) *Goroda vlasti. Gorod, natsiya, narod, global'nost'* [Cities of power. City, nation, people, globality]. Moscow: 'Vysshaya shkola ekonomiki' Publ. (in Russian).

Tlostanova M. (2020) Postkolonial'nyy udel i dekolonial'nyy vybor: postsotsialisticheskaya mediatsiya [Post-colonial Destiny and Decolonial Choice: Post-Socialist Mediation] *Novoye literaturnoye obozreniye*, 1(161) [https://www.nlobooks.ru/magazines/

novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21972/] (accessed: 24.04.2023) (in Russian).

Trubina Y. (2020) Postkolonial'naya kritika i urbanisticheskaya teoriya [Post-colonial criticism and urban theory] *Novoye literaturnoye obozreniye*, 1(161) [https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/161_nlo_1_2020/article/21980/] (accessed: 29.04.2023) (in Russian).

Weber M. (2017) *Gorod* [City]. Moscow: Strelka Press (in Russian).